

категории культуры гендерных отношений.

Литература

1. Пфау-Эффингер Б. Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада // Социол. исслед. 2000. № 11. С. 24-35.
2. Воронина О., Клименкова Т. Феминизм и гендерные исследования: хрестоматия / под общ. ред. В.И. Успенской. Тверь, 1999. С. 53-61.
3. Кант И. Соч.: в 6 т. Т.6. М., 1967. С. 56.

4. Гегель Г. Соч.: в 14 т. Т.9. Л., 1934. С. 35.

5. Кургузов В.Л. Гуманитарная культура. Улан-Удэ, 2001. С. 136.

6. Кургузов В.Л. Наука в амплитуде колебаний (вопросы теории, истории, методологии и дидактики). Улан-Удэ, 2010. С. 249.

7. Понуждаев Э.А. Основы гендерологии. М., 2003. С. 51.

8. Хмелевская С.А. Система форм постижения бытия. М., 1997. С. 76-87.

УДК 111:291.73

ВЕРА И ФАНАТИЗМ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ ПОНЯТИЙ

*Р.К. Омельчук, канд. филос. наук
ВСГАО, Иркутск*

В статье исследуется проблема веры, которая осмысливается не как религиозный и гносеологический феномен, а бытийно-ценностно. Рассматривается, как вера и фанатизм понимаются в свете повышенного интереса к проблемам терроризма и ксенофобии. Обосновывается, что фанатизм в большей степени связан с деформациями разума, вера же проявляется как личная преданность, которая никогда не бывает социально опасной. Данная статья будет интересна не только философам, но и всем интересующимся актуальными проблемами человека.

Ключевые слова: онтология веры, фанатизм, ксенофобия, личность, преданность.

Мировая культура и философия знают немало примеров столкновения веры и фанатизма. К их числу следует отнести не только получившие широкую известность анализ С. Кьеркегором поступка Авраама и осмысление К. Ясперсом поступков Джордано Бруно и Галилео Галилея, но и многочисленные образы героев, мудрецов и святых, чьи поступки заставляли человечество задуматься. Иногда такие думы приводили к переосмыслению собственных ценностей и идеалов, но чаще они заканчивались только суровым приговором – «фанатик!» Попытаемся объективно взглянуть на веру и фанатизм, интерес к которым

существенно возрос в связи с актуальными сегодня проблемами терроризма и ксенофобии.

Тенденция рассмотрения фанатизма в качестве особой разновидности веры четко прослеживается при анализе отечественных диссертационных исследований феномена веры за период последних 10-15 лет. Так, фанатизм – это «крайняя приверженность человека каким-либо верованиям или идеям, вызывающая неприятие иных убеждений, верований, обычаев и ценностей» [5], «извращение абсолютизированной идеи и нетерпимость к выходящему за ее рамки» [8]. В качестве наиболее общих характеристик

фанатизма исследователями указываются сверхценность (сведение высших интенций к единственной) и агрессивное неприятие иного. Однако все чаще и чаще становится допустимым определение фанатизма в качестве полной поглощенности какой-нибудь идеей, мировоззрением, религией или крайней степени приверженности делу, идеологии [3]. Именно в такой интерпретации понятия фанатизма и веры могут рассматриваться как тождественные, что не соответствует действительности. По нашему мнению, причиной таких тенденций является обусловленность понимания и определения веры рамками и законами исключительно теории познания.

Рассмотрение веры с точки зрения гносеологии и эпистемологии приводит к отождествлению веры и фидеизма, сущность которого заключается в приоритете веры над разумом. В действительности в истории философской мысли не раз обосновывалась и доказывалась идея о том, что разум и вера не противостоят друг другу, а дополняют друг друга. В истории философии известны существенные расширения границ исследований веры. Так, в античной философии вера была сопряжена с добродетелями и в целом понималась как уверенность, в эпоху средневековья вера была сопряжена с религией и в целом понималась как путь спасения, в эпоху Возрождения вера была сопряжена с заблуждением и незнанием и в целом понималась как суррогат разума. Конец XIX – начало XX в. можно охарактеризовать как период оправдания веры, но уже сопряженной с наукой: здесь вера предстает как гносеологический, социокультурный, этический, антропологический, творческий, психологический феномен. Можно заметить, что всякий раз «планка» веры опускается, и вера соотносится с такими понятиями, истина и истинность которых не может вызывать ни малейшего сомнения. Такое расширение области сопряжения веры, однако, не должно исключать разум (знание). Так, например, вера в счастливый случай, в успех, в доб-

ро и прогресс, в вождей или партии, в добрые начала человеческой природы, в друзей или любимых ни в коем случае не отменяет разум и не конкурирует с ним. В таком аспекте безоговорочность истинности каких бы то ни было экзистенциальных ценностей рассматривается как опасная для духовного развития личности тенденция [9], но вместе с тем теряются жизненная яркость и смысловая насыщенность и личности, и разума, и веры. Разрешение этого гносеологического противоречия можно найти только в онтологическом подходе к вере, рассматривающем последнюю в качестве характеристики человеческого бытия.

Определим бытийную веру как стремление человека к собственной истинности и полноте. Понятно, что в этом случае личность определяется высотой цели, которую она принимает за высшую истину, и устремленностью, с которой эта цель будет достигаться, а бытийная вера неразрывно связана с реализацией личностных качеств в человеке. Вера, таким образом, по определению не имеет ничего общего с фанатизмом, поскольку вера, понимаемая онтологически, способствует становлению личности, а не ее разрушению и уничтожению. Выявление сущности, как веры, так и фанатизма, будет способствовать определению границ этих понятий.

Так, необходимо критически осмыслить утверждения, согласно которым фанатизм определяется как мощная, стойкая идентификация, а фанатичная вера не позволяет расшатывать сложившуюся иерархию ценностей и смыслов [3]. Стойкость и устойчивость сознания, особое отношение к истине и таким экзистенциальным ценностям, как правда, справедливость, долг, достоинство, красота, нравственное добро, характеризуют вовсе не личность фанатика, а сформировавшуюся и зрелую личность. Такая зрелость, которую экзистенциальная философия обозначает в качестве человека истинного, достигается в процессе актуализации веры-истины. Вообще, истинность веры, по мнению М. Бубера, про-

исходит из этимологического родства глаголов иврита «верить» (he'émīn) и «быть непоколебимым» (ne'eman). Философ раскрывает «эмуна» как «постоянство отношения человека к незримому и все же дарующему себя видеть» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, стр. 338]. Вера 'ēmūnāh, которая в переводе на греческий обозначается как πίστις, имеет скорее значение «твердость», «устойчивость», «верность» и часто противопоставляется лжи как «истина», «искренность», «прямота» [7]. Такая вера – это не столько опора в жизни, сколько определенный элемент поведения личности, часто воспринимаемый другими как стойкость в перенесении испытаний и неподлинности собственного эгоизма. Стоит обратить внимание, что речь идет даже не о психологических характеристиках, а о присущих личности качествах. Такие качества, являющиеся положительными характеристиками гармоничной и социально компетентной личности, свидетельствуют в пользу тесной связи веры и преданности и развенчивают миф о связи веры и фанатизма.

Безусловно, связь веры и фанатизма, привычная для обыденного сознания, существует, однако вера в этом употребляется как тождественное религии понятие, а не как характеристика человеческого бытия. Так, онтологический подход к вере обосновывает механизмы и функции веры, понимаемой в качестве стремления человека к собственной истинности. В свете этого подхода предрасположенность к послушанию, авторитарное подчинение, предполагающее уважение к власти, приемлемость традиций и обычаев, склонность к взаимному согласию, компромиссу, консенсусу и даже страх, боязливость, которые напрямую связываются с фанатизмом [3], могут быть рассмотрены бытийно-ценностно. Призмой в этом случае является переживающая экзистенция, соединяющая в себе индивидуальность как личное бытие и ценностное отношение как свободное диалогическое общение с бытием во всем его многообразии. Отсюда послушание, ува-

жение, традиционность, дружелюбие и даже страх приобретают ценностный окрас и свидетельствуют о высокой культуре как отдельной личности, так и воспитавшего ее социума. Сущность веры – человечность, а потому агрессивность, уничижительность и рабская покорность фанатика, слепо подчиняющегося авторитету, совершенно несовместимы с верой, предполагающей стремление к совершенству, гармонии, устойчивости.

Если вера как фундамент становления личности неразрывно связана с ценностным, культурным отношением к Миру, Истине, Другому, то фанатизм отрицает культурное единение, соборность, общность. Вера присутствует в человеке даже в том случае, когда прочие ценности никоим образом не участвуют в процессе его становления. Человек по своей природе устремлен к какому-либо идеалу постольку, поскольку им движет вера, однако, не обладая какой бы то ни было истиной об объекте, человек способен верить в свои представления о нем. Известно, что человек прежде всего верит в то, что соответствует его установкам, убеждениям, идеалам, а значит он способен верить даже в то, что объективно лишено ценности, но субъективно является благом. Современный философ В.П. Барышков в этой связи отмечает: «Благом является свое. Свое означает не принадлежащее мне, а мне соответствующее, соответствующее моим представлениям, моему жизненному опыту, моему укладу жизни» [1]. По мнению философа, свое и чужое, а не хорошее и плохое – главное в человеческой оценке. Однако мы считаем, что вера проявляется в том, что человек не оценивает, а ценит. Оценка всегда связана с разумным разделением на свое и чужое, ценить же можно только сердцем, объективно рассматривая и свое, и чужое. Следовательно, на последней онтологической глубине вера находится в связи с ценностным отношением, а не с отношением оценивания. Оценивание же имеет рациональную природу и неизбежно приводит к фанатизму, отрицающему окружающую

реальность как чужую. Настоящие фанатики своей веры, по мнению И.А. Ильина, «объявляют, что они признают только свою веру обоснованной, единственно верной и единственно допустимой; все же остальные веры и исповедания они относят к "глупым предрассудкам" или "вредным суевериям"» [4].

Идеал фанатизма предполагает не столько стремление к достижению поставленной цели, сколько некритическое уничтожение любых альтернатив. «С точки зрения этого идеала все ясно и просто для сознания, оно не видит сложности внутренней и внешней жизни, не знает трагических противоречий и муки выбора. Отсюда решимость действий, неумолимость, беспощадность, отсутствие угрызений совести» [3]. Отметим, что отсутствие сомнений, окончательность и ясность цели в большей степени являются признаками разума (знания), нежели веры. Иррациональная вера предполагает ожидание невидимого и надежду на то, что не имеет никаких гарантий, в то время как рациональный разум (знание) предполагает расчет (лат. *ratio*). Учитывая то, что противопоставление веры и разума (знания) тщательно разработано в рамках теории познания, можно предположить, что феномен фанатизма в большей степени имеет рациональную природу, нежели иррациональную, а потому фанатизм стоило бы исследовать в связи с деформациями разума, но не веры.

То, что ненависть является характерной чертой фанатизма, было замечено еще Э. Роттердамским. Реальность врага воспринимается более приемлемой с позиции расчетливого разума, нежели иррациональная реальность всеобщего единства, основанного на принципах сохранения уникальности и взаимного уважения. Э. Фромм несколько развил эту идею, отметив, что ненависть может быть направлена не только на других, но и на себя (самобичевание, самоуничтожение). Такой взгляд, однако, не означает, что жертвенность и самоотверженность являются характеристиками фанатизма. Ненависть есть личностная неполноцен-

ность, в то время как жертвенность есть признак полноты личности. Вспомним, например, приведенные Н.О. Лосским слова преподобного Серафима Саровского: «...как железо ковачу, так и я предал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так я и действую, своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю» [6]. Самоотверженность здесь является признаком личной преданности, а отнюдь не фанатизма и ненависти.

Однако ненависть предполагает не только физическое воздействие на других, но также может принимать иные формы агрессии и неприятия. «Тот, кто продолжает верить в то, во что он верил всегда, несмотря на полное понимание других верований и размышления о них, на разумность их приверженцев, хорошие моральные качества, духовное озарение и т. д., и, следовательно, считает ложными любые верования, религиозные и прочие, которые несовместимы с его собственными» [9], по определению А. Плантинга, есть «эксклюзивист». Эксклюзивист, таким образом, претендует на свою «исключительность», «оригинальность» в отношении других, которые также могут претендовать на исключительность. Исключительный признак, однако, указывает не столько на особенность и уникальность, сколько на несовместимость и отличительность, исключаящую иное как обычное и обыденное. Эксклюзивизм как менталитет и мировоззрение, таким образом, есть не что иное, как претензия на оригинальность и избранность, обесценивающая любые другие экзистенциальные ценности. Однако если эксклюзивизм рассматривать как призму для понимания других личностей, подчеркивая этим самым для себя их ценность и уникальность, то такой подход можно считать вполне приемлемым. В противном случае эксклюзивизм представляется одной из модернизаций фанатизма. Особо отметим тот факт, что А. Плантинга определяет одним из условий эксклюзивизма осведомленность и информированность личности в отношении других верований. По нашему

мнению, это указывает на рациональность эксклюзивизма в частности и фанатизма вообще. Конечно, данная позиция требует детального обоснования, которому можно посвятить отдельную статью.

В целом же необходимо подвести некоторые итоги и сделать выводы в отношении высказанных выше идей. Во-первых, в современной философии существует необоснованная тенденция отождествления понятий веры и фанатизма. Обыденное понимание веры как религии или религиозного феномена не раскрывает всей сущности веры, как это происходит при ее онтологическом рассмотрении. Во-вторых, онтология веры и фанатизма, призмой которой является личность, полностью разводит эти понятия: насколько вера способствует становлению личности, настолько фанатизм препятствует этому становлению. Результатом веры является истина, реализованная человеком внутри себя, а результатом фанатизма является разрушение личности и ее системы ценностей. В-третьих, существуют вполне обоснованные предпосылки утверждения того, что феномен фанатизма имеет рациональную природу и связан не с деформациями веры, но с деформациями разума. Необходимость обоснования этой идеи может способствовать новым исследованиям в этом направлении.

Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (проект «Онтология ве-

ры: личностные и социокультурные механизмы преемственности ценностей», грант № МК-2493.2011.6).

Литература

1. Барышков В. П. Аксиология личного бытия. Саратов: Логос, 2005. 192 с.
2. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.
3. Евстифеева Е.А. Феномен веры: дис... д-ра филос. наук. Тверь, 1995. 203 с.
4. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
5. Калюжная Н.А. Фанатизм: личностные и групповые черты // Филос. науки. 2007. № 9. С. 66-81.
6. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. 408 с.
7. Православная энциклопедия: в 17 т. М.: ЦНЦ Православная энцикл., 2000-2007. Т. 7. 752 с.
8. Романов А.В. Философский анализ веры: дис. ... канд. филос. наук. М., 1991. 183 с.
9. Сичивица О.М. Вера как фактор научного познания и моральной ответственности ученого // Истина и заблуждение. Диалог мировоззрений: материалы VII Междунар. науч.-богословского симпозиума, 3-4 июня 2003 г. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 2003. С. 75-79.
10. Plantinga A. Warranted Christian belief. NY. Oxford University Press, 2000. 508 p.